

КАТАРСИС, *или гуманизирующий эффект чтения*

Как мы уже знаем, нравственные ценности, заложенные в художественной литературе, постигаются интуитивно. Они усваиваются через сострадание и сопереживание с героями литературного произведения. Кульминация этих состояний, поднимающих и просветляющих читателя, называется катарсисом (от греч. *catharsis* — очищение). Субъективно он переживается как душевный подъем, готовность к высоким и добрым поступкам. Первоначально этот термин, введенный Аристотелем, применялся только к трагедии, но со временем его хождение стало более широким. Нынче его многие относят к облагораживающему воздействию искусства в целом. “Искусство, — писал когда-то Чингиз Айтматов, — должно ввергать человека в глубокие раздумья и потрясения, вызывать в нем мощные чувства сострадания, протеста против зла, должно давать ему повод сокрушаться, печалиться и жаждать восстановления, отстоять то лучшее в жизни, что оказалось попраным, погубленным”. Наглядный пример такой силы воздействия литературы на человека дал Горький в рассказе “Коновалов”. “Он плакал, и так ему было стыдно слез, он как-то рычал, чтобы не рыдать. Он спрятал голову в колени и плакал, вытирая глаза о свои грязные тиковые штаны. Я сидел перед ним на ларе и не знал, что сказать ему в утешение. “Максим! — говорил Коновалов, сидя на полу. — Страшно! Пила... Сысойка. А потом Стенька — а? Какая судьба! Зубы-то как он выплюнул!... а?”. И он весь вздрагивал... Господи! Как ему больно-то было, а?”. Слезы, пролитые над страданиями персонажей, в отличие от слез в обыденном понимании, — это слезы сладостные, просветляющие. Они, как говорят исследователи катарсиса, открывают человеку истину добра, истину собственной сущности.

Петербургский социальный психолог В.Е. Семенов выделил три основных аспекта катарсиса — эмоциональный, эстетический и этический. В эмоциональном плане катарсис ведет к состоянию облегчения (включая смех и слезы), освобождения от мрачных состояний, к возвышенным чувствам и имеет библиотерапевтический эффект. В эстетическом аспекте — он пробуждает чувство гармонии, порядка, красоты. В этическом — вызывает гуманные аль-

триуистические чувства. Вместе взятые функции катарсиса формируют, в конечном счете, мироощущение человека, ориентированного на добро: на уважение к человеческому достоинству, на готовность бескорыстно действовать в пользу другого, не считаясь со своими личными интересами. Этот “конечный счет” и есть высшее назначение искусства. Его обуславливает чтение великих писателей, чьи произведения проникнуты духом гуманности.

Потрясающий факт использования библиотерапевтического эффекта катарсиса мы нашли в опыте профессора Андрея Гнездилова, практикующего в одном из питерских хосписов. Детям с запущенным состоянием болезни он рассказывает сказки. “Ты чего-нибудь хочешь, малыш?” — спрашивает он у пятилетнего мальчика. “Дяденька, расскажи сказку”, — просит тот. Доктор взял его на руки, начал рассказывать и увидел, что мальчик умирает: взгляд его мутнеет, глаза уходят. Хотел встать, но малыш пришел в себя: “Дяденька, дальше!”. Снова попытался уйти, как только малыш обмякал, но мальчик судорожно вздрагивал: “Дяденька, дальше!”. Больше доктор не шевелился, слишком страшно было это “Дяденька, дальше!”. Умер мальчик тихо, с легкой улыбкой”. Мы процитировали экстремальное проявление катарсиса (“Смена”, 2003, 8 авг.), облегчающего смерть обреченному ребенку. Что касается катарсиса, облегчающего жизнь, то таких примеров множество. Отдельные из них приводились в пособии раньше (см. Библиотерапия, Интерес и др.). Приведем здесь лишь один. “Меня просто потрясла судьба героини повести А. Алексина “Безумная Евдокия” — пишет 13-летняя девочка в “Литературную газету”. Скажу честно, глядя на старомодных людей, я, как и Ольга испытывала перед ними, отставшими от жизни, чувство превосходства, что ли. И вот мне стало стыдно, стыдно за подобные мысли, а больше всего за то, что я, оказывается, совсем неверно думала о людях. Книга убедила меня, что быть такой не просто глупо, но подло. Я бы не задумалась над этим, не попадись мне эта книга”. Отзыв девочки подтверждает способность катарсиса регулировать внутреннее состояние читателя, перестраивать его взгляд на самого себя и на людей, помогает осознать то, чему не следует быть. Это осознание он получает не в виде готовой формулы, а через преобразующее сострадание с вымышленными героями, рождающее гуманную истину в нем самом.

Задача педагога, библиотекаря состоит в том, чтобы обусловить проявление эффекта катарсиса, закрепить его, поддержать и уси-

лить. Взяться за ее решение может только тот, кто сам испытывает на себе плодотворное влияние литературы и обладает умением передать его детям, кто владеет методом отбора литературных произведений, способных вызвать сострадание и катарсис, стать школой эмоционального развития. В данной связи приходит на память воспоминание В. Короленко о том, какое благотворное влияние оказал на него, гимназиста, учитель-словесник В.Авдиев, который зажигал и раздувал душевные эмоции учеников в яркое пламя, вызывая у них чувство возвышенного удовлетворения. “Все, что он читал, говорил и делал, приобретало в наших глазах особенное значение... Возникало чувство любви, уважения, молодой радости раскрывающегося ума и благодарности за эту радость”. Каждое прочитанное учителем вслух произведение, будь то Тургенев или Гоголь, поднимало подростков над будничной жизнью: все озарялось особенным сиянием. Начиналось чтение всегда просто. “Мы не замечали, — говорит Короленко, — как, где, в каком месте Авдиев переходил к пафосу, потрясавшему нас как ряд электрических ударов, или к комизму, влиявшему на класс вихрем хохота”. Каждый урок словесности, проводимый учителем, был для гимназистов часом наслаждений и эмоциональных встрясок, аккумулирующих в себе влияние классической литературы в подаче ее незаурядным учителем.

Что касается нынешних детей, то ждать у них потрясения от великой литературы нам особенно не приходится. Известный методист Лев Айзерман, отметивший пятидесятилетний учительский юбилей, в одной из недавних статей с горечью рассказал о том, как сегодняшние школьники относятся к великим произведениям и как современная школа добивается “рвотного рефлекса” у них от одного упоминания слова “классика”. У этого же автора есть статья, названная “Потрясение”. Такую тему сочинения он предложил своим ученикам, не ограничивая их материалом. Оказалось, что большинству из них неизвестно состояние потрясения. Многие не знают значения этого слова. Они ни разу не откликнулись сердцем ни на читаемую книгу, ни на реальный факт. Им более знакомо состояние “щекотания нервов”, вызванное разного рода страшилками, триллерами, боевиками. К душевной щедрости не располагает и бытующая сейчас ориентация детей на успех любой ценой, на практическую разворотливость, на личное благополучие. Эта установка вступает в противоречие с гуманистическим пафосом искусства, вызывая подчас к нему недоверие. **От детей**

иногда можно услышать, что благородство — только в книгах, а в жизни — все ненавидят друг друга. В складывающихся условиях приземленности жизненных интересов юного поколения задача обеспечения гуманизирующего влияния искусства встает с особой остротой. Катарсис способен открыть ребенку альтруистическую сущность человека, жажду не только “хлебов”, но и “неба”. Упомянутый нами ученый В.Е. Семенов в статье “Катарсис и антикатарсис: социально-психологический подход к воздействию искусства” высказал гипотезу о существовании катартических и антикатартических периодов в истории искусств, введя понятие “антикатарсис”. Для антикатартического периода, какой мы, по его наблюдениям, переживаем с конца 20 века, характерны настроения пессимизма, агрессивности, низкопробного гедонизма. Ему присуща общая аморализация искусства, абсолютная непопулярность поэзии, упадок театра, засилье масскультовских кино, музыки, литературы и т.п. В самом слове “антикатарсис” психолог выделяет те же три аспекта, какие усмотрел и в понятии “катарсис”: эмоциональный, эстетический и этический. Но все они идут со знаком минус. В эмоциональном — это состояние угнетенности, страха, агрессивности. В эстетическом аспекте антикатарсис выражает чувство дисгармонии, хаоса, безобразия. В этическом плане антикатарсис порождает антигуманные чувства, отчужденность, аморализм, презрение к людям.

Если использовать терминологию В.А. Семенова, то можно сказать, что дегуманизация детей наступлением на них антикатартической литературы идет ныне широким фронтом. Исчезли книги о сострадании: их заменили “забавками”. Журналист С. Луконин в беседе с детским писателем В.Воскобойниковым на страницах “Литературной газеты” подтвердил эту мысль: “Заходишь в магазин в отдел детской книги, и все как на подбор: приключения, страсти, насилие, убийства. Герои — сплошь супермены. Однако нет спокойной, думающей литературы, которая не провоцировала бы агрессии, а вызывала сочувствие к обыкновенному человеку”. Еще более резко о состоянии современной детской литературы высказалась писательница Нина Грызова: “По страницам книжек, в одинаковых ярких обложках, решенных в стиле “пестрая жуть”, путешествуют супермены, владеющие всеми видами рукопашного боя, монстры, притворяющиеся дворниками или учителями, псы-оборотни, туповатые глазастые пришельцы, бандиты, живущие в замке, как у Синея бороды, и — прочая монстроподобная публи-

ка”. Эмпирический критерий пригодности этих текстов (критик О. Славникова называет их “сникерсами”) для употребления один: “цепляет — не цепляет”. Вместе с тем, в последнее время появились суперпопулярные книги, которые не отнесешь к “сникерсам”: их авторы талантливые литераторы. Они способны глубоко трогать читателя, вызывая в нем вместо гуманных чувств прямо противоположные: жестокость, нетерпимость, садистские наклонности. Социологи установили, что большое количество преступлений подростки совершают, находясь под влиянием подобного “искусства”. К бестселлерам, скрыто несущим духовный яд, принадлежат и нашумевшие “Гарри Поттер” и “33 несчастья” англоязычных писателей Джоан Ролинг и Лемони Сникет. Мимо этих “опасных” книг, завоевавших сердца детей во всем мире, библиотекаряю нельзя пройти. Запрет здесь бесполезен, они слишком близки детскому сознанию и затрагивают темы, волнующие каждого ребенка. Они нуждаются в обсуждении и формировании общественного мнения по поводу того разрушающего детскую психику зла, которое в себе несут. Борьба за трезвый взгляд на эти и подобные им книги в детской аудитории должна выражаться не столько в отрицании их, сколько в утверждении прекрасного, гуманного в литературе и жизни. Задача руководителя детским чтением организовать в детском сознании различение ценностей истинных и ложных, обусловить свободную “конкуренцию” между ними. Конкурировать с жестокостью в книгах помогут детям, в частности, сказки, через века пронесшие добро как высшую человеческую ценность. Показательны в этом плане ответы детей на вопрос: “Зачем людям сказки?”, помещенные в книге А. Михайловой “Современный ребенок и сказка: проблемы диалога”. Ответы многих говорят сами за себя: “Они нужны, чтобы люди верили и надеялись, что добро победит зло”, “Чтобы в душе было радостно и светло”, “Чтобы человек знал, что добро и чудеса есть”, “Учат любви, доброте, справедливости”, “Чтобы не быть одиноким”, “Чтобы быть лучше и добрее”, “Чтобы люди понимали: лучше быть добрым”.

Но вернемся к катарсису. Психологической предпосылкой его возникновения является сопереживание, то есть включение читателя в судьбу героя, в его внутренний мир. Человек заражается чувствами персонажа и начинает ими жить. Рождается определенное отношение к герою: жалость или преклонение, желание спасти, помочь, разделить с ним его состояние, указать на ошибки. Раз ис-

пытанное такого характера “заражение” влияет на все последующее чтение ребенка, определяя его ожидания и характер восприятия. Хорошо по этому поводу сказал летчик-космонавт В. Севастьянов: “Когда ребенок слышит предсмертные слова Остапа и вместе с Тарасом Бульбой отвечает ему “слышу”, в этот момент детское сердце действительно услышало многое. И если ребенок способен опечалиться судьбой щенка Белолобого — он в будущем и короля Лира поймет, и Ивана Карамазова, и Татьяну Ларину”. Хочется верить, что он поймет и свою мать, и соседа по парте, и учителя, и всякого другого, с кем сводит его жизнь. Но заставить сопереживать нельзя. Чувства не поддаются велению сверху. Всего скорее, здесь возможен опосредованный путь, подсказанный творческой практикой педагогов-словесников и театральных деятелей — через возбуждение фантазии, через жизненные ассоциации, к эмоциональному переживанию. “Фантазия, — писал К. Станиславский, — взбудоражит нашу аффективную память и, выманивая из скрытых за пределами сознания складов ее элементы когда-то испытанных чувств — по-новому организует их в соответствии с возникающими в нас образами”. В этой связи уместны вопросы к читателю типа: “Не случилось ли с тобой нечто подобное?”, “Если “да”, то что ты испытывал при этом?”, “А если бы ты был на месте героя, как бы ты себя чувствовал, как бы вел себя?”.

Но “опечалиться судьбой” персонажа — это еще не катарсис. Для его возникновения нужен не только эмоциональный отклик, но и личностный смысл происходящего или так называемый “эффект узнавания”, когда у читателя возникает ощущение, что он читает о самом себе. Можно предположить, что слезы Коновалова над судьбой Пилы и Сысойки — персонажей повести Помяловского, были его слезами и над своей собственной судьбой — одинокого и гонимого человека. Именно личностный смысл происходящего, открытый читателем, обеспечивает гуманизирующее влияние подлинного искусства. Стоит прислушаться к совету, какой дал своей дочери декабрист А.Ф. Бригин: “Читай, и ты станешь меньше зависеть от воли судьбы”. Чтением, переживанием разных судеб людей он вырабатывал в дочери своеобразный иммунитет к неизбежным испытаниям, которые так или иначе приходится преодолевать каждому на своем жизненном пути. Здесь важно заметить, что высший градус катарсиса возникает тогда, когда читатель не просто разделяет судьбу героя, видя в ней свою, но когда он поднимается к осознанию, открытию универсального смысла про-

исходящего. Происходит своего рода озарение, остро ощущаемое постижение общечеловеческой сущности происходящего в произведении, когда за частным случаем встает универсум. Эту мысль Т.А. Флоренская, исследователь катарсиса, высказала на материале жанра трагедии: “Трагедия способна пробить скорлупу обыденного эгоцентризма благодаря схожести героя со всеми людьми. Она затрагивает общечеловеческие, универсальные проблемы, поэтому она затрагивает каждого человека, преодолевая временные и культурные дистанции”. Подобной способностью обладает любое полноценное произведение. И здесь мы снова должны сказать о сказке, о ее универсальных смыслах, выраженных в судьбах и взаимоотношениях ее героев. Так, за конкретным поведением Колобка или Красной шапочки, сестрицы Аленушки и братца Иванушки, Гадкого утенка и Стойкого оловянного солдатика, Маленького принца и Мальчика-звезды встают общечеловеческие значения добра и зла, верности и предательства, красоты и безобразия, бескорыстия и хитрости, униженности и высокомерия, альтруизма и жестокости, страдания и благодушия. Читая сказку, ребенок интуитивно определяет: с кем он, против кого, кому отданы его симпатии и антипатии. Надо признать, что наша попытка вычленить нравственные категории, заложенные в сказках, огрубляет их значение. Маршак предупреждал: “Мораль не плавает на поверхности сказок”. Он считал, что она занимает в сказке столько же места, сколько и вся сказка. Поэтому задача руководителя детским чтением применительно к сказке — не резонерство по поводу того, чему она учит, но поддержание в ребенке искреннего и глубокого сопереживания с ее героями, усиления сопричастности с ними за счет душевного отклика, открытия личностного смысла происходящего.

Возьмем для примера одну из любимых детьми, трагическую сказку Андерсена “Русалочка”. Главная героиня ее — чистая и светлая, любящая и преданная Русалочка, — гибнет, подарив счастье другому. Бессмысленна ли эта гибель? Может быть, в целях самосохранения надо было уничтожить Принца, того самого, кому отдано ее сердце? Почему Русалочка, зная, что ее душа никогда не воскреснет и никто не узнает о ее существовании, идет на самопожертвование? И как объяснить, что, несмотря на предсказания, ее душа поднялась над пеной морской и устремилась к небу, а потом претворилась в памятник, установленный в порту Копенгагена? За какие заслуги сами люди наградили ее бессмертием? Кто из других

сказочных героев или реальных людей достоин памятника? Такие или подобные им вопросы хорошо обсудить с подростками, в которых зародилось недоверие к благородству людей.

Для пробуждения способности к сопереживанию очень важно, чтобы художественная литература воспринималась читателем как сама жизнь, а персонажи — как живые люди. Вряд ли надо опасаться, что здесь мы противоречим законам искусства. Нет ничего пагубнее для непосредственного чувства, когда с малых лет ребенку внушается, что все читаемое им — лишь плод фантазии писателя. Абсолютизировать такую точку зрения — значит, убить эмоции, убить то, что создано творческим порывом художника, раскрывающего в художественных образах законы жизни, внушающие читателю гуманистический взгляд на мир.

Говоря о накале эмоциональной реакции ребенка на литературное произведение, нельзя обойти задачи диагностики чувств. Наша задача выяснить, какие чувства испытал ребенок при чтении (см. “Эмоции”): кого пожалел, кому посочувствовал, кому готов был помочь, чтобы избавить героя от несчастья. Изучить эмоциональный опыт ребенка поможет тест “Бывало ли это с тобой”, содержащий вопросы типа: “Бывало ли такое с тобой, чтобы чтение так захватило тебя, что ты забывал об окружающем мире? Бывало ли, чтобы ты испытал потрясение от книги? Чтобы ты узнал себя в прочитанном?” и т.д. Для исследователей эмоциональных состояний читателей может представить определенный интерес опыт шкалирования театральных впечатлений зрителей уже упомянутого выше психолога В.Е.Семенова. Его шкала состоит из семи градаций и построена по принципу убывания эмоционального накала: от близкого к катарсису — к близкому к антикатарсису. Промежуточные состояния: радостное понимание, внутреннее равновесие, грустная задумчивость, тревога, нервозность. По этому принципу могут быть построены эмоциональные шкалы и для изучения влияния книги на читателя.

«На первый взгляд, — пишет В.А. Левидов в книге “Художественная классика как средство духовного возрождения”, — задача “очеловечивания” человека может показаться утопичной. Но она поставлена самой жизнью. Ее решение проходит через эмоциональную выучку искусством. И, прежде всего, детей». И на передний план в ее реализации он выдвигает библиотеку, с ее неисчерпаемыми эмоциональными ресурсами, заложенными в полноценных художественных произведениях. Он отводит ей место Службы

гуманизации людей, Центра духовного возрождения средствами искусства слова. Наша задача — быть достойными этой великой миссии и стремиться претворить ее в жизнь.

ЛИТЕРАТУРА:

Ананьев Б.Т. О психологии искусства // Психологический журнал. — 1981.—№4. — Т.2. — С.137-141.

Леонтьев А.Н. Некоторые проблемы психологии искусства //Избр. психологич. произв.: В 2 Т.: Т.2. — М., 1983.

Семенов В.Е. Катарсис и антикатарсис: Социально-психологический подход к воздействию искусства // Вопросы психологии. — 1994. — №1. — С.107-119.

Семенов В.Е. Искусство как межличностная коммуникация. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 1995. — 199с.

Тихомирова И.И. Сопереживание и катарсис как показатели влияния книги на читателя // Библиотерапия: задачи, подходы, методы. — М.: БМЦ, 2001. —С. 30-38.

Флоренская Т.А. Проблемы психологии катарсиса как преобразования личности // Психологические механизмы регуляции социального поведения. — М., 1979.

